

Прошлое наше,
воинственно правое в правде,
прошлое наше,
вселенским гудевшее ветром,
прошлое наше,
торившее брод в токе крови,
прошлое наше,
взорвавшее зернами
мертвую землю,
прошлое наше,
застывшее глыбою льда
посреди половодья...
Прошлое наше прошло,
перед нами оно беззащитно.
Р. ДЫШАЛЕНКОВА.

Озаряли окна домны

Бывший начальник доменного цеха Юрий Павлович Волков — неугомонный человек. Ему давно можно было бы жить, как живут пенсионеры: почитать газеты, смотреть телевизор, обсуждать последние политические новости: благо, на их нехватку нынче жаловаться не приходится. Ан нет: Ее Величество Домна, как случайно найденная суженая, завладела всеми помыслами и всем его существом. И не дает покоя еще с довоенных лет.

Правда, в сороковые годы он особого интереса к ней не испытывал. Просто летними деньками бегал вдоль домен с пятого участка купаться на заводской пруд в район центральной электростанции. Наизусть знал фамилии знатных мастеров: Герасимова, Шатилина, Орлова, Черкасова... Городскую газету в семье Волковых читали с удовольствием: следили за ходом социалистического соревнования и сопереживали, если доменщики Магнитки не выполняли план и отставали от основных соперников.

— К сожалению, — сетует с высоты прожитых лет Юрий Павлович, — третья домна нынче незаслуженно забыта и выведена из эксплуатации. А ведь это была лучшая печь ММК, постоянно выплавлявшая сверхпламенный металл. Ее бригады признавали победителями во Всесоюзном соревновании. Помню, в конце сороковых к фамилиям признанных доменщиков Д. Орлова, С. Черкасова, Г. Герасимова добавились новые — Георгии и Иван Душкины, Федор Ткаченко...

За что можно любить этот и доселе физически напряженный труд? Бывшие сталеплавыльщики, волею судеб в девяностые годы ставшие доменщиками, признаются: тяжело на мартене, но домна выматывает больше. Может, в этом признании играет свою роль психологический барьер, ведь мартеновцы пришли на домну далеко не мальчиками? Но они начинали у мартеновских печей совсем юнцами, и профессия сталеплавыльщика им была по душе. А Юрию, наоборот, труд копошившихся у огнедышащих мартенов казался невероятно тяжелым. А ведь он начинал свою рабочую биографию за несколько дней до войны и не у настоящих мартенов, а у «игрушечных» 25-тонников фасонносталелитейного цеха, и не подручным сталевара, а пирометристом на участке контрольно-измерительных приборов цеха энергобюро.

В свои шестнадцать юноша выполнял рабочие обязанности достаточно серьезно. Вдобавок, он решил несмотря ни на что получить высшее образование — подал документы в школу рабочей молодежи. Правда, доучившись в ШРМ пришлось уже после болезни: близ мартенов он простыл и тяжело заболел.

Из-за болезни и перенесенной операции его вступную освободили от воинской службы. Едва окрепнув, Юрий устраивается в топливный цех, входящий в систему энергобюро комбината. В то время он располагался на коксохиме рядом с угольными складами и обеспечивал твердым топливом центральную и паровозоудовную электростанции.

В обязанности сменного техника, кем и работал Волков, входил контроль за своевременной погрузкой и отправкой углей для электростанций, оформление документов на них... Здесь юноша получает первый навык руководства людьми — в его распоряжении числился около 30 человек: грузчики, крановщики. И первое желание — стать инженером железнодорожного транспорта. Успешно окончив десятилетку в ШРМ, он подает документы в Новосибирский вуз. Но бумаги возвращают обратно. Оказывается, известный на всю страну Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта той осенью возвращался из эвакуации в родные пенаты, освобожденные из-под немца. Приемная комиссия предложила юноше приехать на Украину на следующий учебный год, любезно пообещав в письме принять его на первый курс даже без вступительных экзаменов.

Неудача не обескуражила. Юрий понимал, что образование получить необходимо. И — пока молодой, ибо дальше сделать это будет значительно сложнее. Раз не вышло стать железнодорожником, надо пытаться поступить в автодорожный. Как говорится, паровоз хорошо, а машина лучше. Планировал подать заявление в областной вуз. Но...

"...И СЕРДЦЕ С СОВЕСТЬЮ В ЛАДУ",

или КОРИФЕЙ ДОМЕННОГО ИСКУССТВА

Только в доменный. И только на печи

Судьба распорядилась иначе. ММК требовались свои кадры. Не только рабочие, но и инженеры. Молодые, талантливые, перспективные. В их надежных руках и светлых умах тогдашний директор комбината Г. Носов видел будущее предприятия. Это по его приказу отдел кадров укомплектовал группу в 50 человек из выпускников школ, в нее попал и Волков, и направил парней на учебу в горно-металлургический институт. Предполагалось, по окончании вуза молодые прокатчики, сталеплавыльщики, доменщики пополнят ряды инженерного корпуса Магнитки.

Вначале Юрий, как и все парни из их так называемого спецнабора, получал двойную стипендию. В то время институт относился к Минчермету СССР, и развивающийся гигант черной металлургии оплачивал деньги своим будущим специалистам. Но через два года МГМИ передали в министерство высшего образования, и возвращение на комбинат стало необязательным. Стипендия уменьшилась в половину. Кто хотел уйти в другой вуз или поменять специальность, осуществил свою мечту. А Волков решил доучиться на доменщика. И обязательно впоследствии работать на печах ММК. Хотя преподаватели института — завкафедрой теории металлургических процессов, кандидат технических наук Н. Гольдштейн и завкафедрой доменного производства, профессор А. Баных — уговаривали Юрия пойти по научной части: у парня обнаружилась склонность к аналитике и способность грамотно излагать мысли.

— Когда работал начальником цеха, — вспоминает Юрий Павлович, — я не пользовался данными, которые давали подчиненные, а сам анализировал работу доменщиков. Знал досконально особенности каждой печи, осмысливал теорию и практику их выдувки и задувки после ремонтов. И если все делал правильно, то печи быстро входили в строй и достигали планового производства. Те данные по каждой печи храню уже свыше 30 лет. А результатами оперативных анализов я всегда делился со своими подчиненными.

Но не было еще умудренного опытом и обремененного знаниями начальника доменного цеха Юрия Павловича Волкова. Был просто молодой инженер, который вслед за своими «однокашниками» с некоторой робостью переступил кабинет тогдашнего руководителя Борисова. И был белгий осмолотничков, прикидка на жизнеспособность в цехе. У Александра Филипповича взгляд наметанный, методика беседы неоднократно опробованная. Из семи пришедших в доменный цехе остались решили лишь шестеро. Но зато все вместе тепленькой должности помощника мастера, положенной им по окончании вуза, решили начать карьеру с горных. Суконка, вачиги, войлочная шляпа — первый рабочий костюм молодых инженеров. И растворились они, привыкшие держаться вместе в годы учебы, в тысячном коллективе. Персональные судьбы влились в единую рабочую. Они дополнили касту жрецов советской металлургии, фанатов процесса превращения сыпучих материалов в первый по технологии законченного металлургического цикла жидкий расплав.

Волков учился азам профессии: у тех, про кого в свое время читал в газетах. Но героев газетных передовиц он уже не боготворил: ведь был-то уже не мальчишкой, а молодым инженером. Причем имеющим точку зрения на собственный профессиональный рост. И

даже высказавшим ее на конференции молодых специалистов комбината в присутствии легендарного Носова.

Расшибись, но выполни

Юрий пришел на первую печь горновым в бригаду мастера Константина Филипповича Хабарова. Вот как он вспоминает своих наставников:

— Старшим горновым у нас был Алексей Григорьевич Денисов — опытный специалист, старающийся не выделяться из бригады. Молчун. Но если дал команду — расшибись, бригада, но выполни. Второй горновой Алексей Федорович Базулев учил меня обслуживать шлаковые летки. Третий — Максим Тумбатов, обучал квалифицированной разливке чугуна. За полгода я все изучил и мог сам закрывать даже чугунную летку. Потом, к сожалению, из горновых пришлось уйти.

Расстался с обязанностями горнового не один Волков, а все шестеро молодых инженеров. Просто все это время их держали на окладе помощников мастеров — 880 рублей, а пятый горновой имел минимум 1500. Трижды они обращались к начальнику цеха Борисову с просьбой восстановить справедливость. Александр Филиппович давал команду разобраться, но... Обиженные молодые специалисты, написав заявления, перешли помощниками мастеров. Перед уходом Юрий Павлович заявил Борисову так:

— К сожалению, рухнули как наши, так и ваши планы. Вы нас не сделали настоящими горновыми, да и мы не получили удовлетворения от отлично освоенной профессии...

Есть мнение...

Зима 1949-50 годов выдалась буднично-спокойной. Молодой инженер вроде при деле, а вроде — и нет. После перевода из горновых Юрий Павлович так и остался помощником у Хабарова на первой печи. Серьезно изучал технологию, иногда, как мальчишка, бегал по разовым поручениям. А в марте произошли события, которые порушили колею размеренной жизни.

Шестая печь работала плохо еще с первых своих дней: с декабря 1943 года. Только

спустя восемь лет выяснили причину — конструктивный недостаток колошникового устройства. Остановили на ремонт, во время которого требовалось и удалить настыли — наложения из пыли, кусков кокса, известняка, шлака в разных местах по профилю печи, образовавшиеся из-за неровного газового потока, и переложить огнеупоры. Молодых инженеров Борисов распорядился бросить на контроль кладки: пусть вникают в технологию ремонта, постигают устройство печи «вживую»... Тогда на шестой впервые в СССР внедрили устройство по повышению давления газа на колошнике и в рабочем пространстве. После пуска печь заработала много мощнее, чем прежде. Николай Крюков — одноклассник Волкова по институту — определил свою специализацию: занялся ремонтом домен. Остальные, в том числе и Юрий Павлович, вернулись на печи.

В то время в цехе активно действовала секция научно-инженерного технического общества металлургов — НИТОМ, Борисов был ее председателем. Она приглашала даже студентов последних курсов обсуждать инженерные проблемы домен. Обычно заседания велись в левобережном Дворце культуры металлургов на четвертом этаже в овальном зале. В тот раз, в марте 1950 года, корифей-доменщики собрали в красном уголке не только инженеров, но и работников технологических бригад. Повестка дня серьезна: способы повышения производительности печей и улучшение технико-экономических показателей работы доменного цеха. Борисов, предваряя выступления, коротко обрисовал текущее положение, определил задачи коллектива. И пригласил желающих выступить.

Волков неожиданно решил пересказать здесь содержание своего дипломного проекта по разделению кокса на две фракции и их раздельной погрузке в доменную печь. Таким образом, считал он, улучшится газопроницаемость печи, ее интенсивность. И он решительно вышел на трибуну...

На следующий день его вызвали к Борисову. Вызов к начальнику, особенно к такому, как Александр Филиппович, — всегда неожиданность. Борисов имел огромный авторитет, и не только на Магнитке. Но не из-за этого его побаивались в цехе. Он никогда никого не наказывал, никогда ни на кого не кричал. Единственная мера пресечения была хорошо известна коллективу: если он видел, что из новичка никогда не выйдет доменщика, то отказывался от услуг этого человека: пускай ищет счастье в другом месте.

Волков зашел в комнату рапортов. Поздоровался. Борисов сидел за столом в полууборке, боком к вошедшему. Увидев инженера, бросил:

— Есть мнение назначить тебя помощником начальника смены по шихте.

Юрий не сразу сориентировался. Потому и молчал. В голове крутились вопросы: вместо кого? Вместо Шпарбера? Куда же тогда Лазаря? Неужели назначили начальником смены?

— Что молчишь?

— Думаю.

— Думай до двух часов. В два будь в моем кабинете с ответом.

Вышел Юрий Павлович, а самого радость распирает: инженерную работу предложили. Вернулся в техотдел, поделился назначением с товарищами по институту. Когда улеглась радостная шумиха, все стали советовать: соглашайся, немедленно иди к Борисову. Но Волков — сторонник дисциплины: сказано в два, значит пойду вовремя.

(Продолжение следует).